

ОБСУЖДЕНИЯ И РЕЦЕНЗИИ

Круглый стол по сочинениям Жака Деррида.

Участники круглого стола: Брянник Н.В. зав.кафедрой онтологии и теории познания, доктор философских наук, профессор, Магистранты второго курса философского факультета: Бабина М.Р., Брагин Е.В., Макаенко Я.А., Мартюшева О.А., Сусоев М.В., Человечков К.А., Черныш А. А.

Одновременный выход практически всех ключевых работ Жака Деррида на русском языке должен было положить конец странной эпохе знакомства с творчеством этого мыслителя на основании поздних статей и чужих пересказов. Благодаря этим переводам мы можем отказаться от практики изящных толкований и мистических интерпретаций Ж.Деррида и приступить, наконец, к изучению его идей. В ходе состоявшегося обсуждения выяснился определённый круг вопросов, вынесенных в центр внимания круглого стола.

Брянник Н.В.: Насколько возможно говорить о философской идентичности Жака Деррида?

Человечков К.А.: Если определять идентичность как некое особое место в философии, выпадающее из майнстрима традиции, то Жак Деррида, вне всякого сомнения, по особому позиционирует себя в традиции, подобно Мишелю Фуко, претендующему на объективность таким образом, что в его объективности реализуется его субъективность. Так проявляется его уникальность. Судя по книге «О почтовой открытке...», Деррида проявляет свою идентичность в череде попыток снять своё авторство. Работа строится как ряд формально не связанных между собой эссе, автор и адресат которых скрываются за покровом анонимности. В этой попытке ускользнуть от роли автора, в этом «снятии» себя и проступает идентичность Деррида. Попытка запутать мысль, а вместе с ней и читателя, ищущего определённую и смысл, ищущего автора - это как раз то, что объединяет эссе-открытки, помимо общей обложки и фамилии автора.

Мартюшева О.А.: Действительно, «О Почтовой Открытке» представляет собой послание, набор посланий, написанных на почтовых открытках, напоминает «старый разрозненный архив». ореол таинственности и незавершенности создает тот факт, что это обрывки без начала и конца, и нам не дано точно знать, кто, кому и что именно пишет. Однако, нам ясно, что это живое и иносказательное обращение, с намеренно пропущенными строками, «утраченными пассажирами», кому-то адресовано. Как считает Деррида, подобная пародия на эпистолярную литературу и должна быть полна самых разнообразных вещей, это могут быть адреса, почтовые коды, зашифрованные послания, анонимные письма... Почта – инструмент, посредством которого осуществляется доставка посланий, образ коммуникации, ее запутанности и отдаленности. Марка – дар, плата за то, чтобы вступить в коммуникацию. Люди коммуницируют друг с другом, словно с помощью открыток. Межличностное общение открыто для других. Особенность такого рода коммуникации в том, что открытки переходят из рук в руки, они доступны для прочтения чужими, и есть вероятность, что послания могут потеряться, не дойти до адресата или просто смысл послания может остаться сокрытым - прочтение открытки доступно каждому, но суть ее не поймет никто. Таким образом, взаимодействуют между собой открытки, а не

люди, так как человек и его имя не есть одно и то же. Истина обращения всегда ускользает и никому не принадлежит.

Человечков К.А.: Мне кажется, что идентичность можно рассматривать и с несколько иных позиций. Так, если понимать под идентичностью узнаваемость автора и его текста, то Жак Деррида, несомненно, обладает такой идентичностью. Относительно любого его текста можно с высокой долей уверенности сказать – «это Деррида». И узнаваемость эта достигается за счёт принципиального отказа от одного из основных жанров философии – построения систем. Конечно, избежать системы невозможно. Невозможно не принимать её как опору, приходится отталкиваться от неё. Неприятие системы может уходить в её вытеснение или в противостояние ей, в насмешку над ней и как угодно ещё. Деррида выбирает последнее, (которое одновременно предполагает и последние три варианта), играя системой, путая присутствие ей пути и смыслы.

Брянник Н.В.: Можно ли какие-либо формальные признаки текста Деррида выделить в качестве определяющих?

Человечков К.А.: Прежде всего, это своеобразный словарь Деррида, далее – специфический круг анализируемых, даже, скорее, деконструируемых авторов и, наконец, особый круг затрагиваемых тем: язык, письмо, голос, судьба метафизики. Если мы обнаруживаем эту тематику, то можем не сомневаться – перед нами Деррида.

Сусоев М.В.: Как мне представляется, идентичность каждого автора может быть раскрыта через его главную тему, своеобразную «идею фикс», которая красной нитью проходит через все его произведения. Так, для Гуссерля такой «идеей фикс» является обоснование науки. Для Деррида такая идея – ниспровержение здания метафизики. Деконструкция является методом такого ниспровержения путём разрушения бинарных оппозиций, на которых, по мнению Деррида, и держится метафизика. Каждая бинарная оппозиция содержит в себе два члена, один из которых, как кажется Деррида, всегда оказывается подчинённым, как, например, письмо подчинено речи. Тактика деконструкции заключается в разрушении подобной оппозиции через доказательство того, что господствующий её член является частным случаем подчинённого, искусственно выделенным метафизикой. Так, согласно Деррида, речь есть частный случай письма, не обладающий никакими характеристиками, которые могли бы оправдать его господствующее положение в рамках метафизики.

Макаенко Я.А.: Действительно, идентичность текстов Деррида открывается при обнаружении его особого метода, который сам Деррида именует деконструкцией. В трактате «О Грамматологии» Деррида выводит определённую систему понятий, которую противопоставляет системе понятий традиционной европейской метафизики. При этом основание её он усматривает в понятиях «логоцентризм» и «наличие». Совершением такого интеллектуального хода Деррида ориентирует нас не столько на преодоление метафизики, сколько на «прочтение» особой эпохи (и посредством неё, в какой-то мере, всей истории логоцентризма): эпохи господства разума с её четкой ориентацией на создание бинарных оппозиций, (будь то субъект и объект, означаемое и означающее и тому подобные пары), в каждой из которых необходимо обнаруживается приоритетное положение одной из составляющих, что, само по себе, отсылает к представлению об иерархии. При этом Деррида не совершает полного отказа от метафизики, не

разрушает её до основания. Скорее, он осуществляет свособразное, выражаясь гегелевским языком, «снятие» метафизики.

Черныш А.А. Деррида выдаёт деконструкция. В «Голосе и феномене», например, он производит деконструкцию работ Э.Гуссерля. Суть этого метода заключается в погружении в тексты исследуемого автора; при этом необходимо расторгнуться в них и актуализировать скрытые или не вполне очевидные интуиции и мотивы мыслителя. Деконструируя логику своего учителя, Деррида обнаруживает метафизическое стремление во чтобы то ни стало выявить предлингвистический и предвыразительный слой смысла, мир ноуменальных сущностей, который дан независимо от всякого трансцендентного сознанию опыта.

Сусоев М.В. : Я в корне не согласен с высказыванием А.А Черныш о метафизических устремлениях Деррида. Конечной целью его мне представляется именно разрушение метафизики. При этом, Деррида отлично понимает, что такое полное разрушение невозможно, так как оно предполагает полное изменение всей системы мышления, в том числе и его, Деррида. Но само стремление, неотвязное желание уничтожить метафизику красной нитью проходит через его произведения. Более того, в «Голосе и феномене» оно превращается в желание символически «убить» Гуссерля как символ апогея метафизической мысли.

Брянник Н.В. : Почему идеи именно таких авторов, как Гуссерль, Фрейд, Руссо, Ницше становятся главными темами в анализе Деррида?

Сусоев М.В. : Этот ряд можно продолжать и продолжать. Темой, или, скорее, поводом для деконструкции может стать вообще всё, в чём можно усмотреть бинарную оппозицию, существующую в культуре. Выбор авторов определяется только тем, что метафизика наличия в их трудах выделяется наиболее рельефно.

Брянник Н.В. : В «Московских лекциях», к примеру, у Деррида возникают достаточно неожиданные темы, например дружба, авторство. Может ли такая тема, как, например, национализм, стать темой Деррида?

Брагин Е.В. : Почему нет? Если выделить в понятии национализма бинарную оппозицию («правильный народ – другие пароды») и показать, что господствующий член оказывается частным случаем подавляемого, что и разрушает оппозицию, то это и будет деконструкцией.

Человечков К.А. : Если говорить об основной теме Деррида, то следует говорить скорее не об авторах, по поводу которых он философствует, а о некоторой «глобальной интуиции» в бергсоновском смысле, которой для Деррида является борьба со всяческим «-центризмом».

Макакенко Я.А. : Действительно, в творчестве Деррида изначально присутствует некая центральная тема, которую можно считать такой интуицией. А отрицание авторов, отрицание традиции становится для Деррида строительным материалом его собственной концепции. Отрицая традицию - он встраивает себя в неё, разрушая традицию - он созидает собственную идентичность.

Брянник Н.В. : Таким образом, можно считать, что по первому вопросу мы достигли некоторого согласия и не отказали Деррида в философской идентичности.

Никитина Н.А. : Но в то же время мне кажется, что Деррида не занимает метафизическую позицию творца. Он балансирует на грани игры и серьезного, воплощает в себе и страсть, и пассивность. И в удержании этого – он и

исполнитель «имени», разбирающийся в нормах и правилах его функционирования, и действующее лицо, подчиненное общепринятой поименованности. Ему чужда всякая идентичность, он вовлекает ее в особую языковую игру. Он обходится с ней подобно мальчику, играющему со смертью, в известном сюжете З. Фрейда. Фигура автора то расплывается в тексте так, что можно практически физически ощутить ее присутствие, то превращается в маленькую точку, которая еще немного и исчезнет на глазах. Подобно мифическому представлению, Ж. Деррида играет с правдоподобными образами, выставляя на передний план понятия-фикции, тем самым скрывая игру и учреждая единственно возможную строгость. Фигура автора то появляется, то исчезает в его текстах, на передний план в его работах встает понятие фикции, в том числе и фикции авторства.

Брянник Н.В. : Можем ли мы в таком случае говорить о том, что Деррида деконструирует собственную идентичность?

Сусоев М.В. : Как уже говорилось, деконструировать можно любое понятие, в том числе и идентичность. Вопрос в другом – делает ли это Деррида с собственной идентичностью? Возможно, в некоторых работах он занимается именно этим.

Макаенко Я.А. : Таким образом, поскольку можно деконструировать всё, что угодно, деконструкции можно подвергнуть и идентичность, в частности – идентичность Деррида, и, вполне возможно, он занимается деконструкцией собственной идентичности, и, соответственно, если он делает это, то она есть.

Человечков К.А. : Даже если философ не принимает традицию, традиция уже приняла философа, сделала его частью себя. Получается интересный казус: весьма нетрадиционный философ, Деррида стал классиком, и его книга была издана в серии «Классическая философская мысль». Это значит, что он классифицирован, препарирован, подготовлен для изучения в классе. Бунтарь-мыслитель надевает костюм уважаемого профессора.

Брянник Н.В. : В беседе о Деррида нельзя избежать вопроса о присущем ему стилю философствования и жанрах, в которых он выступает.

Брагин Е.В.: Вместо того, чтобы говорить о различных стилях Деррида, возможно, следует говорить о различии в способах его толкований. Мне видится, по меньшей мере, два различных способа его интерпретации. Первый – чисто рационалистический; из текстов Деррида вычленяется сетка основных понятий, которые довольно легко складываются в тонкую и изящную систему. Второй способ отдаёт иррациональностью и мистикой, он подразумевает использование поэтических метафор, широких аналогий и даёт возможность извлекать из Деррида глубокие мировоззренческие смыслы.

Причин такой двоякости две. Во-первых, несколько лет назад тексты Деррида на русском языке были не только малодоступны, но (в силу своей изначальной сложности и лингвистической тонкости) ещё и отличались плохим переводом. Недостаточное знакомство через плохо переведённый текст делало невозможным рационалистическое толкование. С появлением хороших переводов Деррида прояснялся, становился менее мистичным.

Вторая причина двоякого толкования кроется в самом Деррида. На ранних этапах своего творчества, когда он только «откатывал» свою концепцию, его тексты были предельно рационалистичны. В более позднее время, когда он уже стал известным состоявшимся философом, он позволил себе вставлять в свои

работы мистические и поэтические иллюстрации, ценные сами по себе, но скрывающие рациональный смысл.

Сусоев М.В. : Действительно, дело тут в периоде написания. Если «Голос и феномен» предельно рационалистичен и научен, то «Эссе об имени» предельно ненаучен. Хотя не стоит сбрасывать со счетов и интерпретацию: наверняка, любой текст Деррида можно интерпретировать как рационалистично, так и мистично. Например, то же «Эссе об имени».

Никитина Н.А. : Всякое имя призвано ограничивать, что-либо называя. Но имя не является тем и не указывает на то, что оно называет. А то, что называют, пытаясь определить, ускользает - Имя превращается в обман. Таким обманом являются «Страсти», «Кроме имени», «Хора», которые под единым названием «Эссе об имени» представил Жак Деррида.

Будучи именем имени, фикцией фикции «Эссе об имени» является результатом излюбленного дерридианского приема – двойного исключения, демонстрирующего третий род рассуждения, третий род бытия, возможность которого появляется в разломе, в расширении границ двух предыдущих: логики логоса и логики мифа. Именем «Эссе об имени» даруется место для этого третьего рода: логики деконструкции, которая так же, как и негативная теология, присутствует везде. Подобно последней, деконструкция разрушает и строит, убивает и реанимирует одновременно, провозглашая вечное становление, в котором в одно и то же время происходят рождение и смерть, формирование и трансформация, в противовес статичности метафизики. Таким образом, деконструкция порывает с собственной принадлежностью, с собственным происхождением, открывая свою неисчерпаемую исчерпанность, вездесущее присутствие, так как всякая принадлежность месту делает возможной истину логоса, а не деконструкцию. Поэтому рассуждение о хоре не есть более рассуждения о бытии – это, скорее, заявление некоей философской топологии, дарованной деконструкцией.

Но чем бы была деконструкция без этой хоры, которая дает место для деконструкции и одновременно умирает в ней? Вопрос может быть задан более точно: чем бы была деконструкция без метафизики, которая дает место для деконструкции и одновременно умирает в ней? Метафизика, действительно, оказывается неким первоначальным текстом, вокруг которого вырастает дискурс деконструкции. Метафизика предстает той тимеевской «кормилицей», «восприемницей», с которой последняя порывает.

Сусоев М.В. : Мне кажется, что предыдущее выступление в полной мере подтверждает моё отнесение этой работы к разряду мистических, трудных и сложных для интерпретации.

Макаенко Я.А. : Полагаясь на данную оценку, можно предположить, что деконструкция, будучи тем, что провозглашает становление, основывается на разрушении и построении чего-либо, в то время как сам Деррида не предполагает полного разрушения, а тем более, построения. Кроме того, остаётся скрытым смысл самой хоры, да и работы в целом.

Бабина М.Р. : Позвольте, я начну сначала. «Эссе об имени» представляет собой объединение трёх небольших произведений, каждое из них – «Страсти», «Кроме имени» и «Хора» - представляет собой независимое эссе и может читаться отдельно от других. Во всех них ставится вопрос об Имени. Первая часть «Эссе об имени» - «Страсти» - посвящена исследованию Тайны. Но

Деррида не стремится ни постичь тайну, ни раскрыть её, а просто сказать о ней. По ходу рассуждения автор анализирует различные понятия, которые, по его мнению, так или иначе связаны с тайной. Автор считает, что тайна не может быть сведена к какому-либо явлению или предмету, поскольку она служит условием их существования. Более того, тайна лежит на поверхности, она не скрывается.

Вторая часть – «Кроме имени» - написана в форме диалога. Собеседники рассуждают об Имени как таковом и об имени Бога. Центром рассмотрения в данном эссе является феномен негативной теологии. Деррида на всём протяжении повествования постоянно цитирует Ангелуса Силезиуса. Причины, по которым он обратился к Ангелусу Силезиусу, можно свести к двум: во-первых, это произошло случайно, а во-вторых, его книга объёмом всего 70 страниц, занимает мало места в багаже.

Третья часть – «Хора» - представляет собой рассуждение по поводу заключённой самой в себе идеи, которой хора и является. Деррида берёт греческое слово «хора» и подвергает его всестороннему анализу. Он верно подмечает, что хора обескураживает. Действительно, она обескураживает объёмом рассуждений о ней. Хорошо ещё то, что автор постоянно напоминает нам, что не только невозможно определить её, но и помыслить о ней уже трудно.

Таким образом, как бы мы не интерпретировали хору, какие бы значения ей не приписывали, она не подвержена детерминации. Переводимая как «место» или «положение», она сигнализирует нам, что «место уже занято», что в ней «уже что-то помещено», и поэтому она отличается от того, что в ней находится. Деррида предостерегает нас от сведения хоры к геометрическому пространству, она – вместилище, место приёма, приюта, дающая, но не порождающая.

Брагин Е.В. : Позволю себе не согласиться по поводу того, что «Эссе об имени» является текстом ненаучным, сложным для рационального толкования. Возможно, тут всё дело как раз в способе толкования текста или в некоторых исходных посылах, с которых следует начинать толковать этот текст. Так, например, Гачев в своей концепции культурной обусловленности типов научной рациональности указывает, что для французов пространство представляется заполненным. И, исходя из этой посылки, можно истолковывать, и понятие «хоры». Его «хора» - «бесмолвное», «бесстрастное», «невидимое», «лишённое чувственной формы» - это не что иное, как окружающее нас пространство, причём не только физическое. Французская «боязнь пустоты», пустого пространства распространяется и на пространство мысли, а также, в особенности, и на пространство речи. При этом, в пространстве речи хору можно ощутить -- это не что иное, как воздух. Он не имеет отношения к речи как таковой, но делает возможным её существование. Собственное его местонахождение есть, но оно не важно, так как воздух нужен нам как размещающее речь. Но сравнение с воздухом – только метафора, поскольку любое сравнение лишь ограничивает хору, придаёт ей конкретность, тогда как сам Деррида говорит, что она не может быть определенной, не может быть «одной конкретной хорой» - она есть хора вообще.

Пример со словом «хора» позволяет понять мироощущение Деррида и делает совершенно понятными и прозрачными его рассуждения. Совершенно ясно, что в целостном понятии хоры, где нет пустот, не может быть и чётких границ между понятиями, оппозиций одного понятия другому. А если они уже созданы, то должны быть деконструированы, то есть острожно устранены, без

повреждения целостности. Поэтому исчезает имя как нечто ограничивающее. Но чтобы не затеряться в пространстве, где одно перетекает в другое без образования оппозиций, где нет даже имён, Деррида понадобилось ещё одно понятие – различие. Подобно хоре, различие в языке не существует, но делает возможным сам язык. Оно не есть интервал, граница между понятиями, но является тем, что заменяет недостаток этого интервала.

Брянник Н.В. : Действительно, сколько прочтений - столько и интерпретаций. Как мы увидели, для текстов Деррида характерны смысловая и стилистическая многоплановость, смешение жанров и стилей письма. Теперь я предлагаю сосредоточить внимание на ещё одном вопросе: Совершает ли Жак Деррида «прорыв» в философии?

Человечков К.А. : Можно поставить вопрос о том, претендовал ли Деррида на совершение «прорыва». Он совершил «прорыв» в том плане, что теперь невозможно не говорить о Деррида, говоря о современной философии. При чтении он кажется необычным, но философская традиция склонна поглощать в себя всё. Деррида стал классиком – на этом и закончился его «прорыв».

Сусоев М.В. : При разговоре о «прорыве» следует выделить два момента. С одной стороны – где он происходил, с другой – какими революционными средствами он достигнут. Место «прорыва» определяет сам Деррида. Такой областью является критика метафизики, или, точнее, основного её принципа, который может быть назван «референцией Наличия». При этом под ненавистным «Наличием» Деррида понимает любое Нечто, существующее само по себе, самодостаточно и самоотжественно, или, выражаясь в терминах семантики, такое означаемое, которое не может стать означающим. Такое «трансцендентальное означаемое» существовало на протяжении всей истории западной философии во множестве форм от простого наличия предметов до «самоочевидности интуиции», но в любой системе оно выступало в качестве основания для построения разного рода онтологий. Строится это здание путём разворачивания рядов иерархически построенных бинарных оппозиций, один из членов которых, как правило, более тесно связанный с Наличием, обязательно занимает более привилегированное положение по сравнению со вторым, который выступает его референтом, означающим, неудавшейся копией.

Макаенко Я.А. : Мне прорыв видится в переинтерпретации классического понимания онтологии и теории языка таким образом, что она превращается в грамматику или онтологию текста. Здесь не ставится принципиальных для классической онтологии вопросов о сущности, существовании, бытии. Сама онтологически-текстуальная система грамматики представляет собой бесконечное единство её основных структурных элементов, «следов», которые являются своеобразными подобиями знаков в данной системе, безусловно выходящей за рамки логики наличия посредством отказа от трансцендентального означаемого, последнего члена в ряду указующих друг на друга знаков.

Сусоев М.В. : Совершенно согласен. Хотя я, скорее, говорил бы о новой семиотике, а не об онтологии текста. Но важно также отметить способы борьбы против метафизики Наличия. Их два. Прежде всего, это деконструкция, о которой речь уже шла. Второй метод заключается в отрицании самой возможности существования какого бы то ни было «трансцендентального означаемого», Присутствия, Живого Настоящего, Первоначала или любой другой формы

Наличия. Достигается это путём построения собственной теории знака, в рамках которой не допускается возможности существования ничего самостоятельно существующего или существующего самотождественным образом.

В основе семиотики Деррида, как уже отмечалось, лежит отказ от рассматривания какого бы то ни было трансцендентального означаемого, что приводит к самым радикальным последствиям в области семиотики, ибо полностью деконструируется классическое представление о знаке, как о единстве всегда условного означающего и указывающего на Наличное означаемого. В предложенной Деррида семиотической модели означающее и означаемое оказываются обладающими одинаковым статусом, они существуют как рядоположенные. Таким образом, вместо бинарной оппозиции мы получаем растворение обоих членов оппозиции в едином понятии «следа» - чистого означающего, всегда указывающего на другой след и всегда являющегося объектом указания следа предыдущего.

Единственным видом реальности, который может существовать в рамках подобной семиотики, является текст – поле разворачивания бесконечных цепочек «равноправных» следов. О самом следе нельзя даже сказать, что он существует в собственном смысле этого слова - как нечто самодостаточное и самотождественное. След существует только благодаря двум глобальным процессам, создающим его. С одной стороны, это знаменитое и таинственное дерридианское «различание» или «*differance*», которое проявляется в различии следов друг от друга, не позволяя им слиться в один след; с другой стороны, след, являющийся чистым указанием на что-то лежащее за его пределами, существует только благодаря силе дополнения, связывающей его с тем следом, на который он указывает, и тем, который указывает на него. Без этих дополнений, придающих ему хотя бы иллюзорную целостность (иллюзорную, так как сами эти дополнения, в свою очередь, нуждаются в новых дополняющих), след также не может существовать.

Макаенко Я.А. : Необходимо добавить, что все указанные выше понятия функционируют в соответствии с логикой восполнения. Само понятие «восполнение» Деррида рассматривает в двух смыслах. Во-первых, восполнение – это то, что добавляется, обогащая другую полноту, наполняя её Наличием. Во-вторых, оно является добавлением в качестве замены, осуществляющей подмену того, что восполняется. Выполнение принципа восполнения, осуществляющееся как дополнение и подмена, приводит в действие принцип неналичия, поскольку этот принцип указывает на «ущербность» того, что восполняется - ведь в случае полноты восполняемого само восполнение обращалось бы в ничто. Следует заметить, что полнота восполняемого возможна лишь в логике наличия, поскольку самодостаточно (а значит невосполнимо) лишь Наличное.

Таким образом, одним из центральных вопросов в философии Деррида является упразднение классической теории знака, что приводит к замене лингвистики, теории языка, бывшей порождающей моделью для классической семиотики, на грамматику, науку о следах, где письмо взято в качестве базовой модели для рассмотрения любой семиотической системы именно потому, что оно изначально ориентировано на работу со знаками, указывающими на знаки, в то время как речь всегда стремилась работать со знаками, указывающими на Наличное в различных его формах. В новой семиотике лингвистика оказывается частным случаем Грамматики. Классическая бинарная оппозиция

«речь – письмо» деконструируется Деррида таким образом, что речь оказывается частным случаем письма и растворяется в нём.

Сусоев М.В. : Кроме того, Деррида выделяет особую операцию «протописьма» или «разбивки», которая кладётся им в основание всякого возможного текста, смысла и следа вообще. Разбивка есть любое расчленение некоего единства на отличные друг от друга части, различие между которыми может породить смысл.

Вся работа метафизики в такой системе представляется Деррида не более, чем попыткой сконструировать некое первоначало, ту самую нерасчленённость, которая должна была предшествовать всякому различанию и всякому первописьму. Но, как говорит Деррида, такое конструирование первоначала возможно только *после* смыслообразующего действия разбивки, только как ретроспекция, потому что никакое неразличённое Наличие невозможно, ибо существует только текст, только различённое, только указывающие друг на друга следы.

И поэтому метафизика разрабатывает репрессивные техники по отношению к разбивке, письму, повторению, воспроизводству и вообще всему, что утверждает невозможность Первоначала и Наличия. Более того, метафизика есть попытка предать забвению разбивку для того, чтобы вновь прийти к началу, которого не было. Деррида не скупится на метафоры для описания этого труда метафизики – для него это попытка охранять голос немого от передразнивания. Более того, в той мере, в какой наличное бытие есть забвение разбивки, различения и следа, метафизика - это попытка убить пересемшника, чтобы доказать, что у немого есть голос - обвинение говорящего в том, что он украл голос у немого, чтобы доказать, что немой вообще существовал.

Брянник Н.В. : Подводя итог, можно сказать, что, следуя в общей струе постмодернистского течения, Деррида всем своим философствованием демонстрирует закат господства предыдущей философии или, шире, манеры мышления вообще, связанной с идеей производства, референции и исходного начала, и переход к новой манере мышления, связанной с тотальным релятивизмом, радикальным отказом от рассмотрения всякой внетекстовой реальности, представлением о существовании самозамкнутых и самореферентирующих знаковых систем, состоящих из несамостоятельно существующих знаков-следов. Но если, например, Бодрийяр весьма настороженно относится к «симулякрам третьего порядка», управляемым «структурным законом ценности или кодом», то Деррида выступает истинным певцом нового способа мышления, занимая уже не внешнюю позицию наблюдателя и описателя, а говоря изнутри него, исходя из его законов, подвергая критике и разрушая старую философию. Следуя логике Бодрийяра, Деррида можно назвать идеологом симуляции, доказывающим, что это и есть единственно правильный способ мышления. С точки зрения Деррида, Бодрийяр предстаёт одним из последних певцов метафизики, который уже осознал возможность и даже своеобразие нового способа мышления, но, подобно контрреволюционеру, противится приходу нового. При этом при исследовании самого феномена постмодерной модели мышления и, соответственно, конструирования реальности, интерес представляют все способы рассуждения о нём - как изнутри, так и снаружи, потому что именно такое разнообразие взглядов позволяет охватить всю картину в целом.